

Глава 14

Птичка-извращенец

Пэй Ду уложил птичку на подушку рядом с собой.

Но Шэнь Цзюцзю, вспомнив о своих прошлых ночных злодеяниях, потоптался на подушке и перевёл взгляд на грудь Пэй Ду.

Он собирался отыскать во сне подробности гибели Суй Цзымина, а потому не сомневался, что его снова охватит гнев. Что, если он, разозлившись, опять нападёт на своего благодетеля? Это было бы верхом невежливости.

Поэтому Шэнь Цзюцзю смущённо пискнул и указал кончиком крыла на грудь Пэй Ду.

Пэй Ду вздохнул:

— Я могу тебя придавить.

Но Шэнь Цзюцзю яростно замотал головой, его чириканье выражало безграничное доверие к спящему Пэй Ду.

И в самом деле, бодрствующий Пэй Ду был во всём — от слов до жестов — словно выточен по лекалам благородного аристократа, но спящий он превращался в неподвижную нефритовую статую. Казалось, у него даже волосы не шевелились.

Накануне вечером Шэнь Цзюцзю, дожидаясь, пока Пэй Ду уснёт, был поражён этим. Он сперва подумал, что тот лишь дремлет, но прошло немало времени, а дыхание Пэй Ду оставалось ровным и глубоким, а сам он лежал на спине, не меняя позы и не совершая ни малейшего движения.

Убедить Шэнь Цзюцзю было невозможно, ведь птичка слышала лишь то, что хотела слышать.

Видя, что Пэй Ду медлит с согласием, Шэнь Цзюцзю решил действовать, не дожидаясь разрешения. Он легко спрыгнул на плечо Пэй Ду, прошёлся по его нижней рубашке к груди, клювом приподнял край одеяла и юркнул внутрь.

Пэй Ду...

Подумав о том, что сегодня он намеренно не зажжёт успокаивающие благовония, Пэй Ду на мгновение замешкался и в очередной раз уступил настойчивости пернатого комочка.

А что ему оставалось? Неужели придётся посреди ночи гоняться за этим комочком перьев по всей постели?

Пэй Ду почувствовал, как начинает болеть голова.

Шэнь Цзюцзю устроился на его груди. Он слышал стук сердца Пэй Ду и чувствовал, как тот слегка приподнял одеяло над его головой, чтобы он мог свободно дышать. Поняв, что Пэй Ду сдался, он радостно пискнул.

Пэй Ду не ответил, на его лице отразилась лишь тень безропотного смирения.

Лежать на груди Пэй Ду под одним с ним одеялом было совсем не то, что спать на подушке.

Это тёплое, уютное чувство было настолько приятным, что у Шэнь Цзюцзю даже хвостовые перья распушились от удовольствия.

Однако птичка долго ворочалась, но сон никак не шёл. Глаза оставались широко открытыми, а сознание — пугающе ясным.

Что-то не так.

Он сегодня написал целый отрывок для своего трактата, устал так, что лапки сводило. Как он мог не хотеть спать?

К тому же, вчера вечером, стоило ему прижаться к Пэй Ду, как на него тут же навалилась сонливость, и он мгновенно уснул.

При этой мысли Шэнь Цзюцзю поднял голову и посмотрел на Пэй Ду. Тот, казалось, тоже спал беспокойно: его брови были нахмурены, а тело напряжено куда сильнее, чем в начале ночи.

Шэнь Цзюцзю вытянул шею, прижался головой к мягкой ткани нижней рубашки Пэй Ду и задумался, чем эта ночь отличается от предыдущей.

Кровать та же, человек тот же, птичку тоже никто не подменил... Пойдите-ка.

Глаза Шэнь Цзюцзю вспыхнули, и он резко вскинул голову.

Птичка сегодня не прикасалась к Пэй Ду!

Уверенный, что нашёл причину, Шэнь Цзюцзю, лежавший на груди Пэй Ду, осторожно переступил лапками, стараясь двигаться как можно тише. Он медленно подкрался к вороту его одеяния и, убедившись, что Пэй Ду не проснулся, набрался птичьей смелости и, недолго думая, нырнул под воротник.

Какой аромат.

Под одеждой Пэй Ду пахло им самим.

Исчез запах благовоний с верхних одежд, и стал отчётливо ощущаться травяной аромат, который почему-то казался Шэнь Цзюцзю смутно знакомым. И он был прекрасен.

До одури прекрасен!

Шэнь Цзюцзю не удержался и глубоко вдохнул.

Только совершив этот поступок, он запоздало понял, что ведёт себя как какой-то извращенец.

Смущённо чмокнув клювом, Шэнь Цзюцзю прижался головкой к коже на груди Пэй Ду и закрыл глаза.

На этот раз, ещё не открыв глаз во сне, Шэнь Цзюцзю ощутил, будто на грудь ему давит что-то тяжёлое, мешая дышать.

— Цзюцзю, тебе лучше? Милый, принимай лекарства вовремя.

Нежный голос коснулся его слуха. Шэнь Цзюцзю почувствовал, как чья-то рука с бесконечной нежностью и тревогой погладила его по щеке.

— Мама, я в порядке, иди, занимайся делами. Управляющий и остальные, должно быть, уже ждут во дворе.

Шэнь Цзюцзю открыл рот и услышал детский голос.

— Хорошо. На улице солнечно, так что после обеда не выходи. Лучше поспи, договорились?

Голос женщины не был нежным и мягким — напротив, каждое слово звучало твёрдо, с лёгким нажимом в конце, что выдавало не строгость, а уверенность, свойственную торговцам с многолетним опытом.

— Да! Цзюцзю всё понял!

Шэнь Цзюцзю с тоской и нежностью смотрел на удаляющуюся спину женщины, чувствуя, как сердце наполняется теплом и лёгкой грустью.

Мать ушла, и мальчик тут же откинул одеяло и спрыгнул с кровати.

Он так резко дёрнулся, что у него перехватило дыхание, и ему пришлось, оперевшись о край кровати, долго и мучительно кашлять.

Вынужденный двигаться медленнее, мальчик со вздохом взрослого человека залез под кровать и извлёк из щели в досках небольшой, тщательно завернутый в промасленную бумагу свёрток.

Это был рулон шёлка, покрытый множеством чернильных точек и линий, которые на первый взгляд напоминали детские каракули.

В отличие от принятого в те времена вертикального письма, Шэнь Цзюцзю, едва взглянув на шёлк, понял, что эти точки и линии следует читать по горизонтали.

Мальчик положил рулон на край кровати, подошёл к медному тазу и смыл с рук пыль, которой испачкался, пока лазил под кроватью.

В отражении на водной глади Шэнь Цзюцзю увидел лицо ребёнка.

Черты его лица совершенно не походили на юношу из предыдущего сна, но Шэнь Цзюцзю точно знал — это тоже был Шэнь Синэнь.

Вытерев руки, Шэнь Синэнь вернулся к кровати, сел на скамеечку для ног и развернул шёлк. Только теперь Шэнь Цзюцзю смог рассмотреть его содержимое.

Шэнь Синэнь был попаданцем. В прошлой жизни он, будучи студентом второго курса, утонул в пруду во время летних каникул в деревне. Очнувшись, он обнаружил, что переродился в мире романа о могущественном герое с гаремом, который только что дочитал.

Окружающие считали, что он просто с рождения слаб здоровьем, и лишь он один знал правду: как носителя воспоминаний из другого мира, его постоянно отторгала сама реальность.

Чем с большим количеством людей в этом мире он общался, тем сильнее становилось отторжение и тем слабее его тело.

Шэнь Синэнь смутно понимал, что если он позволит этой силе стереть его воспоминания о прошлой жизни и о романе, который служил ему пророчеством, то сможет жить как обычный, здоровый человек.

Но Шэнь Синэнь не смел забывать.

В прошлой жизни он был сиротой, без родных, но в этой, когда он балансировал на грани смерти, именно мать, Се Цзинтан, раз за разом вытаскивала его из тьмы, окружая любовью и заботой, которые позволили ему вырасти.

Однако в книге все труды и всё состояние его матери были лишь золотым дном, которое автор приготовил для главного героя, а сама она погибала в результате корыстных интриг сильных мира сего.

Шэнь Синэнь знал это, но, сколько бы ни пытался, не мог заранее предупредить мать о грядущих событиях.

Поэтому он смирился со своей болезненностью и затворничеством, не смея забыть ни единой детали. Он ждал, словно песок в песочных часах, рокового года, когда Се Цзинтан должна была умереть.

Пятнадцатого года его жизни.

Шэнь Синэнь отчётливо понимал, что за его матерью следит слишком много глаз. Временно уберечь её от гибели — это лишь отсрочка. Чтобы по-настоящему изменить судьбу, нужно было ехать в столицу.

Единственный способ попасть в самый центр власти, где разворачивались основные события, и получить шанс изменить предначертанные судьбы — это сдать государственные экзамены. Дом князя-защитника государства был для него закрыт.

Поэтому Шэнь Синэнь учился до изнеможения, стремясь как можно раньше сдать экзамены и попасть на службу, чтобы не упустить ключевые события и не потерять важных персонажей.

— Если бы перед тем, как попасть сюда, я в кружке по криминалистике не изучал азбуку Морзе, вряд ли бы я смог всё это запомнить...

Шэнь Синэнь почесал голову и достал из свёртка крошечную бамбуковую кисть размером с ладонь.

— Память становится всё хуже... Так, нужно вспомнить, на чём я остановился в прошлый раз...

Бамбуковая кисть в его руках была необычной. Её кончик был сделан из более жёсткого волоса, чем у обычных кистей, а для удобства ношения стержень был из полого тонкого бамбука с небольшим отверстием у наконечника.

Внутри стержня хранилась тонкая тушевая палочка. Чтобы воспользоваться кистью, достаточно было капнуть внутрь воды и растереть палочку — тушь постепенно пропитывала наконечник.

Эту кисть сделала его мать, Се Цзинтан, по его собственным рисункам и объяснениям.

Присмотревшись к шёлку глазами своего воплощения во сне, Шэнь Цзюцзю быстро нашёл имя

Суй Цзымина.

<http://bllate.org/book/13669/1210577>